

УДК 821.16 (575.2) (04)

*Соронкулов Г.У., канд. пед. наук, доцент
НАН КР (Кыргызстан, Бишкек)*

ИНТЕРЕС А.С. ПУШКИНА К «КИРГИЗЦАМ» КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: в статье идёт речь об интересе А.С. Пушкина к истории кыргызов, что послужило поводом к тому, что именно он в 1827 году заказал и опубликовал уже в первом номере учреждённого им с друзьями журнала «Московский вестник» статью А.И. Лёвшина об отличии казахов от кыргызов. По мысли автора статьи, этот интерес стал одним из факторов развития ориентальных интересов поэта.

Ключевые слова: «Алатай-киргизы», русское научное кыргызоведение, ориентальный материал, новая художественная система, побратимство народов и цивилизаций.

«Пушкин и кыргызы» – проблема, которой на протяжении многих лет занимался мой учитель Лев Аврумович Шейман. Начало его интереса к этой научной теме лежит в более чем шестидесятилетней давности в вопросе одной из учениц кыргызской школы №5 тогдашнего Фрунзе. По завершению урока по творчеству великого русского поэта одна из учениц вдруг спросила: «А знал ли Пушкин о нас, кыргызах?». Естественно, ни учительница, ни Лев Аврумович, присутствовавший на этом школьном уроке середины 50-х годов прошлого века, на этот вопрос ответить не смогли. Но толчок был дан. Шейман загорелся темой, стал углублённо изучать вопрос, копаться в архивах и нашёл много фактов, свидетельствующих о глубоком интересе А.С. Пушкина к нам, кыргызам, нашей истории. Именно к «Алатай-киргизам», как он их называет, вслед за глубоко уважаемым им «славным академиком» Петром Ивановичем Рычковым. Результатом этих разысканий и стала книга «Пушкин и киргизы», вышедшая в свет в 1963 знаменательном году, когда наша республика отмечала 100-летний юбилей добровольного вхождения Киргизии в состав России [3].

Вот только один из фактов неподдельного интереса Пушкина к киргизской теме: в конце января 1827 года, вскоре после возвращения из Михайловской ссылки, поэт пишет письмо своему приятелю В.И. Туманскому в Одессу и дружески просит его о присылке материалов для опубликования в задуманном им и его московскими друзьями журнале. В этом же письме содержалась и приписка «Нельзя ль чего от Лёвшина?». Здесь следует отметить, что имя Алексея Ираклиевича Лёвшина (1797–1879) и сегодня известно немногим специалистам. А ведь он – значительная фигура русской культуры XIX века: писатель, историк, путешественник, искусствовед, а также видный государственный деятель, участвовавший в подготовке реформы 1861 года. При графе Воронцове Лёвшин был градоначальником Одессы и действительным статским советником. Впоследствии сделал ещё более блестящую карьеру: был товарищем (говоря современным языком, заместителем) министра иностранных дел, сенатором, членом Государственного совета [4; 39, 44]. Вскоре эта статья – «Об имени Киргиз-Казакского народа и отличии его от подлинных, или диких Киргизов» была опубликована в журнале «Московский вестник».

Благодаря исследованиям Л.А. Шеймана было доказано, что именно А.С. Пушкин организовал публикацию первой отечественной научной работы, специально посвященной отличию казахов от кыргызов, а тем самым подготовил и выход в свет фундаментального труда А.И. Лёвшина, положившего начало русскому классическому кыргызоведению. Это капитальный трёхтомник «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей» (1832).

В личной библиотеке Пушкина среди тех книг и журналов, которые он заказывал брату Л.С. Пушкину и просил прислать ему в Михайловское, есть и журнал «Сибирский вестник», издававшийся в 1818 – 1824 годах талантливым историком и этнографом Г.И. Спасским. Журнал этот уделял на своих страницах много места освещению быта и нравов восточных народов России. Так, к примеру, Л.А. Шейман, просмотревший пушкинские экземпляры «Сибирского вестника» за 1820 год, отмечает решительное преобладание в нём «киргиз-кайсацкой» –

казахской – тематики. Только в первых трёх ежемесячных номерах состоящих из 196 страниц, под статьи о казахах отведено 163 страницы, т.е. пять шестых «полезной площади» журнала.

Такое преобладание казахской тематики было не случайным. «Киргиз-кайсацкая проблема, – как правильно подчеркивала С.Л. Мухина, – занимала умы в 20–30-х гг. XIX века чуть ли не в той же степени, что и события на Кавказе» [1; 231].

Статьи-трактаты «Сибирского вестника» несли читателям информацию не только о казахах – «киргиз-кайсаках», – но и о подлинных кыргызах, обитателях Тянь-Шаня, – «бурутах», «кара-киргизах», «закаменных», «дико-каменных киргизах». По утверждению профессора К.Ж. Боконбаева, гранит в старину на Руси называли «диким камнем», отсюда и происходит одно из названий кыргызов соседствующими народами, т.е. «киргизы, живущие в гранитных горах».

Именно чтение этих материалов, по мнению Л.А. Шеймана, во многом способствовало тому, что подготовило А.С. Пушкина в полной мере оценить выдающееся значение этнологических трудов А.И. Лёвшина. Этим и можно объяснить тот факт, что значительная часть листов капитального труда Лёвшина «Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких орд и степей» из личной пушкинской библиотеки разрезана именно на тех страницах, где речь идет о кыргызах [4; 17–19].

То есть эта проблема действительно долгие годы интересовала поэта. И в черновике «Памятника», написанного в 1836 году, он упоминает среди тех народов, которые будут его чтить и помнить, киргизцев. Но, как человек, который любил предельную точность, нацеленность «на высшую степень возможного соответствия правде истории» [4; 79] во всём, он с сожалением, зачеркивает слово «киргизец» и пишет *сын степей калмык*, затем зачеркивает, по убеждению известного калмыцкого поэта Давида Кугультинова, и «сына степей», поскольку вспоминает, что территория современной ему Калмыкии – не исконная родина этого народа и пишет *друг степей калмык* [2; 72].

Как уже отмечалось, Пушкин не только прекрасно знал, но и писал, что экзотонимом "киргизы, киргизцы, киргиз-кайсаки" в современной ему России обычно именовали не подлинных кыргызов, а казахов. Но знал он и о существовании истинных, "алатооских" кыргызов ("алатай-киргизов", по П.И. Рычкову).

Однако для нас в данном случае особенно значим другой мотив.

Пушкин, по мнению Л.А. Шеймана, пожертвовал звучной аллитерацией: "*Черкес, Киргизец и Калмык*". Но что получилось в итоге с точки зрения представительства народов и культурных ареалов в этой строфе "Памятника"?

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Два народа – финн и славянин – представляют здесь Европу. И также два народа – "тунгуз" и калмык – представляют Азию. Таким образом, Восток и Запад предстают здесь "на равных", поровну, как говорится – "50 на 50". Дело, конечно, здесь вовсе не в арифметике. Пушкин – поэт гармонии; и тут тоже торжествует гармония – гармония поэтическая, концептуальная, этнокультурная, глобально-цивилизационная.

В высшей степени знаменательно: в определениях, сопровождающих названия народов, здесь, в полном соответствии с принципами пушкинского высокого реализма, появилась возвышенная лексика и фразеология, восходящая к традициям классицистической литературы. Не "всякий", а *всяк*. Не "живущий", а *сущий*. Не "народ", а *язык*. Не "славянин", а *гордый внук славян*. Не "степной обитатель", а *друг степей*. И это тоже поэтически "уравнивает" в пушкинском стихотворении представителей Запада и Востока.

В конце жизни, в "Песнях западных славян", Пушкин с особой теплотой писал о прекрасном обычае побратимства, или, как его называли балканские славяне, "братования".

Именно побратимством людей, народов, цивилизаций – "сближением" и "братованием" Запада и Востока – вот таким

виделось ему желанное будущее родной страны и человечества, всего "подлунного мира".

И это, наверное, один из самых дорогих заветов, какие оставил нам гений Пушкина.

Выявленные Л.А. Шейманом факты о весьма заинтересованном освоении Пушкиным специальной востоковедческой литературы, в частности о казахах и кыргызах, могут быть осмыслены и в более широком плане. А именно – как **один из факторов творческого развития поэта.**

Эти факты – свидетельство того, что Пушкин достаточно рано, ещё до обращения к собственно учёному творчеству в качестве историка, начинает использовать *научные* методы не только для самообразования, но и для перехода к новому уровню литературной художественности.

Освоение ориентального, в том числе «киргизско-казахского», башкирского, калмыцкого материалов, стало одной из тех творческих лабораторий, в которых созревали и выкристаллизовывались важнейшие черты новой пушкинской художественной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухина, С.Л. «Сибирский вестник» (1818–1824 гг.) и «Азиатский вестник» (1825–1827 гг.) о народах Сибири Л.С.Мухина // Учёные записки Ошск. пед. ин-та. Вып. III. – Ош, 1959. – С. 231.
2. См.: Суржок, А.И. Пушкин и калмыки [Текст]: монография / А.И. Суржок. – Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1975. – С. 72 (запись беседы автора названной книги с Д.Н. Кугультиновым).
3. См.: Шейман, Л.А. Пушкин и киргизы [Текст]: монография / Л.А. Шейман. – Фрунзе: Полиграфиздат, 1963. – 144 с.
4. Шейман, Л.А., Соронкулов, Г.У. Кыргызы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина: Очерки [Текст]: монография / Л.А. Шейман, Г.У. Соронкулов / под общ. ред. Л.А. Шеймана. – Изд. 3 пересмотр. и доп. – Б., 2004. – 118 с.